

- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодёжи (1999–2014 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2017. Выпуск 8. С. 160–178.
- Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений // Социологические исследования 2018. № 3. С. 15–33.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1(82). С. 75–85.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Семёнова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2003. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.
- Смирнова А. В. Брак с детьми или без детей: установки молодожёнов // Женщина в российском обществе, 2010.
- Татаринцев Е. А., Рогачёва В. И. Ценностные ориентиры современной молодёжи в контексте общества массового потребления // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 111–117.
- Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, Астрель, 2011.
- Шадрин А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены материнства» в XXI веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Шамис Е, Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный Икс. М.: Университет «Синергия», 2017.
- Ятина Л. И. Методика сравнительного исследования стилей жизни // Рабочие тетради по компаративистике. Спб. Вып.2. 2001.
- Ятина Л. И., Калинина Т. С. Изображение стиля жизни молодёжи в российском кинематографе: трансформация практик в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 168–181.

О. Н. Бурмыкина

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТУДЕНТОВ О СЕМЬЕ И МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ (2007–2017 гг.)

В статье анализируется динамика взглядов петербургских студентов на семью и межпоколенные отношения. Эмпирическую базу составили данные двух исследований — социологических опросов студентов, проведенных в 2007 и 2017 гг. Предлагаемая методология позволяет отразить перемены в теоретико-методологических основаниях социологического изучения семьи и межпоколенных отношений и состоит в применении новых научных категорий, расширяющих представления о реальном многообразии существующих типов семейных отношений, и в обращении к теоретическому конструкту, позволяющему измерить многогранность взаимодействий между разными поколениями членов семьи. Эмпирический анализ показал, что при сохранении ядра значимых членов семьи (членов нуклеарной семьи) существенно возросла значимость людей, не связанных узами крови и родства. Наибольшие изменения прошли по линиям родства и структуре родственных связей. Значительно возросла доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников. Сохранилась тенденция к симметрии и взаимозависимости в межпоколенных отношениях между родителями и взрослыми детьми. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Иерархия взаимоотношений разных поколений членов семьи носит ситуативный и относительный характер. Ролевой контекст социального взаимодействия сохраняется, он становится гибким и чувствительным к потребностям разных поколений семьи.

Ключевые слова: семья, межпоколенные отношения, динамика представлений, молодое поколение, значимый член семьи, межпоколенная солидарность.

Постановка проблемы. Цель и задачи исследования

Специфика социальных трансформаций современной российской семьи и межпоколенных отношений состоит в том, что это те сферы жизни, в которых сохраняется традиционность и преемственность, и в то же время они открыты новому, которое во многом определяется особенностями демографических и социально-экономических структур и процессов. Семья является одной из основных ценностей, которые устойчивы и мало подвержены изменениям. Вместе с тем, перемены, произошедшие с семьей как социальным институтом в прошлом

столетии, продолжают и ныне: наблюдается многообразие семейных типов и конфигураций, меняются матримониальные и прокреационные установки и поведение, институциональные аспекты брака становятся менее важными, проявляется вариативность представлений в сфере родительства, внутрисемейных и межпоколенческих отношениях. Претерпевают значительные изменения и традиционные функции семьи — репродуктивная, экономическая, социализации и другие. Трансформационные тренды современной семьи напрямую отражаются на межпоколенных взаимодействиях. Происходит уход от традиционной патриархальной семьи, в основе которой лежит жесткое главенство старшего поколения, уважение к традициям и безусловная забота детей о родителях. Изменяются супружеские отношения и отношения детей, родителей и прародителей, расширяются возможности поддержки и взаимного влияния между разными поколениями семьи, увеличивается потенциальный круг родственников. Временная, возрастная, территориальная свобода выбора форм и способов семейных отношений отражается в разнообразии и вариативности поведенческих предпочтений в межпоколенных отношениях от солидарности, амбивалентности до конфликтов. Последовательное отслеживание и описание процессов трансформации современной семьи и отношений разных поколений, предполагающее соединение эмпирических исследований с теоретическим анализом данных процессов, позволяет, в первую очередь, получить картину реально складывающегося семейного контекста, уйти от существующих стереотипов и предрассудков, «старых» мифов об упадке традиционной семьи и «новых» мифов о разрыве поколений, «уходе заботы из дома» и т. д. Построение динамических рядов, описывающих социальные тренды в семейной сфере, и даст возможность судить об этих изменениях.

Современные семейные трансформации, безусловно, не могли не сказаться на теоретико-методологических основаниях социологического изучения семьи и межпоколенных отношений. Отечественные и зарубежные социологи отмечают заметные перемены в этих основаниях (Morgan 1996, 2011; Носкова 2015). Суть этих перемен состоит *в повороте* (Jurczyk 2013), *в концептуальном сдвиге* (Liu 2017) от социологического функционализма в сторону изучения практик и методологии конструктивизма в семейных исследованиях; от понимания семьи как функциональной единицы до понимания, которое фокусируется на родственных связях, зафиксированное в таких выражениях как «семейные практики», «сети интимной близости». Внимание исследователей пере-

носит с единой модели семьи на многообразие вариантов организации семейных отношений (есть масса разных семейных моделей, единой для всех нет), со структурно-функциональных моментов на повседневную семейную жизнь людей, в центр анализа ставится качество отношений и процессов, которые связывают людей вместе. Можно согласиться с мнением А. В. Носковой, «что эти сдвиги в методологии исследования семейных отношений наглядно отражают перемены в общесоциологической методологии под влиянием теории социальных практик П. Бурдье» (Носкова 2015:178). По-видимому, следует отметить и влияние работ Э. Гидденса, посвященных трансформации интимности (Giddens 1992).

Обновление исследовательской методологии повлекло за собой дополнение понятийного аппарата, разработку и использование новых научных понятий и категорий применительно к сфере семьи, которые позволяют расширить представления о многообразии форм отношений между людьми. Отметим такие понятия, как «семейные практики» (Morgan 1996, 2011), «интимность» (Giddens 1992), «практики интимности», «сети интимной близости» (Jamieson 2008, 2011; Gabb 2008), «партнерство» (Захаров, 2007), «значимый член семьи» (Widmer 1999; Widmer, La Farga 2000; Widmer 2006). Указанные понятия не заменяют, а скорее дополняют друг друга, подчеркивают субъективный опыт создания семьи и значимых отношений, стремятся сопоставить этот опыт с формальными правилами. Так, понятие «практика» может охватывать как привычное поведение, согласующееся с существующими предписаниями, так и не укладывающееся в традиционные рамки. Что касается семейной практики, то люди, как правило, используют набор практик, которые уже частично сформированы юридическими предписаниями, экономическими ограничениями и культурными условиями (Morgan, 2011). Понятие «интимности» определяется как «качество тесной связи между людьми и процесс построения этого качества» (Jamieson 2011). «Практики интимности» относятся к практикам, которые включают, создают и поддерживают ощущение близости и гармонии относительно друг друга. «Близость, которой обозначается интимность, может быть эмоциональной и когнитивной, субъективным переживанием, включая ощущение взаимной любви... Близость также может быть физической, телесной близостью, хотя интимные отношения не обязательно должны быть сексуальными, и как телесный, так и сексуальный контакт может происходить без близости». (Jamieson 2011). Изучение практик интимности включает в себя исследование поведения людей в семьях, взаимоотношений между родителями и детьми, в супружеских парах, сексуальных отношений и дружбы или любых других отношений, имеющих особо тесные связи.

Семья и родственники часто формально определяются традиционными или правовыми нормами, признающими и защищающими супружеские, партнерские, родительские отношения, домашние хозяйства и механизмы наследования. В течение длительного времени проблема идентификации членов семьи и определения ее границ считалась тривиальной. Обычно семья и ее члены определялись в соответствии с критерием ведения общего домашнего хозяйства. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нуклеарной семье, фокусируясь на изучении отношений супружеской пары с детьми в пределах отдельного домохозяйства. Однако значительное расширение числа семейных ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков, возросшая значимость разнообразия псевдо-родственных связей, то есть связей людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи показали, что идентификация членов семьи не ограничивается набором семейных ролей или членством в домохозяйстве. Одни люди членами семьи считают только наиболее близких людей, таких как живущих вместе супругов и детей, в то время как другие включают широкий ряд иных значимых людей, начиная от родственников супругов до друзей и подруг. Категориями, расширяющими представления о многообразии форм отношений между людьми и отражающими субъективный опыт идентификации членов семьи, являются «партнерство» и «значимый член семьи». Категория «партнерство» впервые в российской науке использовалась в исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенном в 2004, 2007, 2011 годах Независимым институтом социальной политики в рамках участия в международной программе «Поколение и гендер». Партнером считался человек, с которым респондента связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости (Захаров, 2007). Категория «значимый член семьи» определяла его как человека, который играл определенную роль, позитивную или негативную, в течение ряда лет жизни респондента и кого он считал членом своей семьи (Widmer 1999; Widmer, La Farga 2000). Значимые семейные связи не ограничиваются домашним хозяйством или нуклеарной семьей, а могут поддерживаться на расстоянии, строиться на добровольных, неформальных началах. Исследования доказывают, что семейная жизнь становится сетевым паттерном (Girardin and Widmer 2015; Widmer 2016). Чувство семейной принадлежности может быть дистанционным, без регулярного совместного присутствия, но через посещения, телекоммуникационное общение, иметь эмоциональное и материальное выражение (выра-

жение любви, подарки на день рождения, денежные переводы) (Widmer and Viry 2017). Подобная сетевая организация семейной жизни свойственна, в первую очередь, «трансрегиональным» или межрегиональным семьям, «гостевым» бракам, «семьям с пропущенным поколением» (Гурко 2017). Реальный, меняющийся контекст жизни людей разнообразен и сложен. И именно семейная идентификация может выступать признаком, определяющим семью. Приведем показательный пример, в котором женщина, воспитывающая дочку, отцом которой был известный политик и артист, говорит о своей семье так: *«Да. Любил дочку. Как появлялось время, приезжал и нянчился. Ну а как же, 10 лет она росла с его участием! В этом тоже состояла суть семьи. У нас семья была все равно! Пусть не ежедневно виделись. Он и у жены не каждый день бывал. Все время гастроли, поездки...»* («Комсомольская правда» 6 декабря 2017 г.).

Концептуальный сдвиг от социологического функционализма в сторону изучения реальных практик в исследовании отношений между разными поколениями в семье также происходит. Изучение отечественной и зарубежной литературы показывает, что основной фокус внимания исследователей по-прежнему направлен на анализ межпоколенных обменов или трансфертов в семье — эмоциональных, инструментальных, экономических (Овчарова, Прокофьева 2000; Барсукова 2004; Gladnikova 2007; Миронова 2014), их роли в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми (Прокофьева, Миронова 2015), влияния демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов (Миронова 2016; Fokkema et al. 2008; Dykstra et al. 2013). Между тем, предметом изучения оказываются и другие грани межпоколенных отношений: интенсивность контактов между поколениями (Синявская, Gladnikova 2007), влияние культурных контекстов, в частности норм родственных обязательств и ответственности (Корчагина, Прокофьева 2007, 2009; Bengtson 2001; Silverstein et al. 2006; Lowenstein & Daatland 2006; Dykstra and Fokkema 2012). Показателями теоретического сдвига к подходу, направленному на выявление качества межпоколенных отношений, можно рассматривать разработку концепций «интимности» и «межпоколенной солидарности».

Трансформация интимности не ограничивается только сексом и гендером, но затрагивает и родство. «В некоторых обстоятельствах и культурных контекстах считается более или менее само собой разумеющимся, что родители могут рассчитывать на материальную и социальную поддержку своих детей. Но отчетливая тенденция развития состоит в том, что такая поддержка зависит от качества отношений,

постепенно выходящих на первое место» (Гидденс 2004:115). Изучение таких компонентов практик интимности, как отдача, разделение взглядов и чувств, затраты времени, знания, практическая забота, чувство привязанности и выражение привязанности (Jamieson 2011) позволяет судить об отношениях разных поколений членов семьи, подчеркнуть субъективные опыт «выстраивания» семейных отношений. Опыт использования концепции интимности при изучении межпоколенных отношений описан в статье Liu Jieyu (Liu 2017).

Концепция «межпоколенной солидарности» разработана американскими учеными (Bengtson & Mangen 1988; Bengtson & Roberts 1991; Roberts, Richards & Bengtson 1991; Bengtson 1993; Silverstein & Bengtson 1997; Bengtson 2001). «Межпоколенная солидарность» рассматривается как многогранный конструкт, включающий следующие концептуальные измерения: аффективная солидарность (чувства и оценки членов семьи относительно их отношений друг с другом); асоциальная (тип и частота контактов между членами семьи разных поколений); консенсуальная (согласие во мнениях, приверженность одним ценностям и ориентациям); функциональная (получаемая или оказываемая помощь и поддержка между поколениями); нормативная (ожидания относительно родственных обязательств, значимости семейных отношений); структурная (возможности структуры для взаимодействий: удаленность / близость проживания членов семьи). Использование данной теоретической конструкции позволяет измерить общую структуру и отдельные составляющие межпоколенных отношений, конструировать их типологии, определять факторы, детерминирующие отношения между разными поколениями в семье.

Целью данной работы явилось выявление и изучение динамики представлений молодого поколения — петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях.

Задачи исследования заключались в том, чтобы эмпирически зафиксировать динамику представлений о значимых членах семьи и проанализировать изменения реального семейного контекста современных петербургских студентов; выявить динамику семейных контактов и взаимодействий студентов с их родителями.

Эмпирическую базу составили данные двух исследований, проведенных по аналогичной методике с десятилетним временным интервалом. Первое исследование проведено в 2007 г. (n=213 человек), второе — в 2017 г. (n=132 человека). Опрашивались студенты петербургских вузов. Средний возраст — 19 лет. В 2007 г. половина опрошенных были коренными петербуржцами, в 2017 г. их доля уменьшилась. Значительно воз-

росло число уроженцев средних и малых городов, а также сельских районов. Большая часть респондентов еще не создали своей семьи (88 % и 90 %), лишь единицы из них были женатыми или замужними людьми. В гражданском браке состояли 11 % и 8 %. Эмпирический анализ данных исследования, проведенного в 2007 году, представлен в нашей статье (Бурмыкина 2008).

Результаты

Динамика представлений о значимых членах семьи. Итак, «**значимый член семьи**» определялся как человек, который играл определенную роль, позитивную или негативную, в течение последних пяти лет жизни респондента и которого он считал членом своей семьи. Участников опросов просили дать точное описание связи с этим человеком (например, мать, отец, брат, сестра, бабушка, молодой человек и т. д.). Если связь проходила по родственной линии, то необходимо было указать, по какой линии это родство — отцовской или материнской (бабушка со стороны отца, дедушка со стороны матери, сестра отца, брат матери и т. д.). Анализ динамики представлений молодого поколения о значимых членах семьи проводился на основе сравнения ранжированного списка членов семьи, которые были указаны как значимые (Таблица 1).

Предполагалось, что динамические изменения структуры значимых членов семьи затронут главным образом ее периферию (партнеров и некровных родственников), ядро же (члены нуклеарной семьи — мать, отец, родные братья и сестры) останется неизменным. Сохранится высокая значимость прародителей, доминирование кровных родственников по материнской линии. Возрастет значимость партнеров (молодых людей, девушек, гражданских мужей и жен).

Как показывает Таблица 1, ядро значимых членов семьи осталось неизменным:

первые ранговые места сохранились за матерью, отцом и бабушкой по материнской линии. Мать по-прежнему занимает лидирующую позицию. Положение в иерархической структуре членов семьи прародителей — бабушек по отцовской линии и дедушек с обеих сторон — повысилось, а место родных братьев и сестер, хотя и незначительно, но понизилось. Позиции же родных сестер и братьев родителей респондентов упали значительно. Так, сестры матери переместились с 6 рангового места на 12, а сестры отца с 12 до 18. Сохранили свое место двоюродные братья и сестры со стороны отца и несколько понизили — со стороны матери.

Существенные изменения затронули периферию структуры. Повысился ранг партнеров самого респондента — молодых людей, девушек и подруг, друзей (соответственно, с 17 до 7 и с 18 до 11), близких партнеров родителей респондента — отчимов и мачех (с 21 на 14) и крестных родителей (с 20 до 15). Ранговые места, которые занимали названные родственники (мужья и жены братьев и сестер респондента и его родителей) понизились, что выглядит логичным: со снижением рангового места кровного родственника падает и ранг его партнера.

Таблица 1

Значимые члены семьи: динамика представлений молодого поколения (2007–2017 гг.)

Наименование значимого члена семьи	2007 % указавших (n)	Ранг	2017 % указавших (n)	Ранг
мать	94 (201)	1	99 (130)	1
отец	82 (174)	2	84 (111)	2
бабушка по материнской линии	62 (132)	3	67 (88)	3
брат	34 (72)	4	36 (48)	5
сестра	32 (69)	5	27 (36)	7–8
сестра матери	31 (66)	6	11 (14)	12–13
дедушка по материнской линии	29 (62)	7–8	33 (46)	6
бабушка по отцовской линии	29 (62)	7–8	37 (49)	4
двоюродные братья и сестры респондента по материнской линии	22 (46)	9	17 (22)	10
дедушка по отцовской линии	19 (41)	10	21 (28)	9
брат матери	18 (38)	11	11 (14)	12–13
сестра отца	11 (24)	12	7 (9)	18–19
партнеры родственников респондента: мужья / жены братьев и сестер матери и отца	10 (21)	13	4 (5)	21–22
брат отца	8 (17)	14–15	5 (7)	20

Окончание табл. 1

Наименование значимого члена семьи	2007 % указавших (n)	Ранг	2017 % указавших (n)	Ранг
двоюродные братья и сестры респондента по отцовской линии	8 (17)	14–15	8 (11)	14–15–16
партнеры родственников респондента: мужья / жены братьев и сестер	6 (12)	16	7 (9)	17–18
подруги, друзья респондента и его родителей	4 (9)	17–18–19	13 (17)	11
партнеры респондента: молодой человек, девушка, гражданский муж	4 (8)	17–18–19	27 (36)	7–8
двоюродные бабушки и дедушки по материнской и отцовской линии	4 (8)	17–18–19	2 (2)	24–25–26
крестные родители	3 (6)	20	8 (11)	14–15–16
партнеры родственников респондента: отчим, мачеха	3 (7)	21	8 (11)	14–15–16
двоюродные братья и сестры матери и отца	3 (6)	22	—	—
родственники партнеров респондента: свекровь, мать и сестра молодого человека, мать и брат отчима	2 (5)	23	2 (2)	23–24–25
прабабушки со стороны матери и отца	2 (4)	24	4 (5)	21–22
троюродные сестры респондента по отцовской и материнской линии	1 (2)	25	6 (8)	19
племянники	—	—	7 (10)	17–18
Муж, жена	0.5 (1)	26	2 (2)	23–24–25

«Новыми» значимыми членами семьи стали представители младшего поколения — племянники. Среди дальних кровных родственников старшего поколения (двоюродных и троюродных) названы только двоюродные бабушки и дедушки, хотя и довольно редко. А двоюродные братья и сестры матерей и отцов вышли из числа значимых. По-прежнему значимыми членами семей считают и прабабушек с обеих сторон.

Динамика реального семейного контекста. Реальный семейный контекст выявлялся на основе ответов на вопрос о значимых членах семьи и оценивался по ряду индикаторов: **диапазон семейного контекста:** распределение семей по количеству членов; **состав семьи:** полная/неполная; **тип семьи:** нуклеарная / расширенная; **линии родства:** только нуклеарная семья, материнская, отцовская линии, некровное родство; **родственные связи:** кровное/некровное родство.

Предполагалось, что семейный контекст жизни студентов останется достаточно разнообразными и явится основой для выявления различных типов конфигураций семей. Среди них будут представлены как семьи, ограниченные нуклеарной семьей, так и не ограниченные ею, а включающие широкий ряд как кровных, так и некровных родственников. В силу предполагаемых изменений структуры значимых членов семьи, затрагивающих главным образом ее периферию (партнеров и некровных родственников), возможно выделение доминирующего типа семей.

Сравнение данных опросов показало, что **диапазон семейного контекста** участвующих в исследованиях петербургских студентов практически сохранился. Были представлены семьи, включающие в себя как небольшое количество членов — до 3 человек (22 % и 21 %, соответственно 2007 г. и 2017 г.), так и большие семьи от 7 до 10 человек (29 % и 32 %). Максимально число значимых членов — 15 и 13 человек — указали лишь по два респондента, что составило менее одного процента. Наиболее распространенными остались семьи, в состав которых входило от 4 до 6 человек (47 % и 46 %).

За десятилетний период реальный **семейный контекст** изменился (Таблица 2). Доля участников опроса, выросших в полных семьях с обоими родителями, и в расширенных семьях, состоящих из нескольких поколений, выросла. Соответственно, доля выходцев из неполных и нуклеарных семей сократилась. Наибольшие изменения прошли по **линиям родства и структуре родственных связей**. Анализ данных исследования 2007 г. не показал явного доминирования ни одного из ти-

Динамика реального семейного контекста:
2007–2017 гг.

Состав семьи	2007 % (n)	2017 % (n)
полная	85 (180)	90 (119)
неполная	15 (32)	10 (13)
Тип семьи		
нуклеарная	15 (32)	11 (14)
расширенная	85 (181)	89 (118)
Линии родства		
только нуклеарная семья	13 (27)	8 (10)
только материнская линия	28 (60)	17 (22)
только отцовская линия	5 (11)	1 (2)
материнская и отцовская линии	29 (62)	25 (33)
материнская, отцовская линии и некровные родственники	25 (53)	49 (64)
Родственные связи		
только кровные	73 (156)	52 (69)
не только кровные	27 (37)	48 (63)

пов семей, выделенных на основе линий родства. Наиболее распространенными оказались типы семей по материнской и отцовской линиям (29 %), только по материнской линии (28 %) и тип, в котором к кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники и партнеры, друзья и подруги (25 %). Их общая черта — ориентированность на кровное родство по материнской линии. Намного менее представленными были типы, ограниченные только членами нуклеарной семьи и кровными родственниками по отцовской линии (13 % и 5 %) (Бурмыкина 2008: 54). Через десять лет ситуация явно изменилась: доминирующим стал комбинированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров (49 %). Все остальные типы значительно сократились, за исключением типа, выделенного по обеим линиям родства. Еще более заметные трансформации претерпела структура родственных связей. Если в 2007 г. преобладали семьи, в составе которых были только кровные родственники (73 %), то к 2017 г. их доля значительно уменьшилась (52 %), а доля

семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанными узами крови и родства, значительно возросла (с 27 % до 48 %).

Динамика семейных контактов. Семейные контакты измерялись на основе ответов на вопросы о частоте встреч и общения по телефону, электронной почте, скайпу и т. п. с матерью и отцом, которые проживают отдельно от респондентов. В первом опросе (2007 г.) ответы давались по трехбалльной шкале от «не реже одного раза в неделю» до «не реже одного раза в год». Во втором опросе (2017 г.) к шкале ответа на вопрос о частоте общения была добавлена графа «каждый день».

В повседневной жизни молодого поколения сохраняется тесное общение со старшим поколением, что обусловлено эмоциональной привязанностью членов семьи и усилено теми возможностями, которые предоставляют современные телекоммуникационные средства. Предполагалось, что частота личных встреч будет уменьшаться, а интенсивность опосредованных контактов (по телефону, электронной почте) возрастать.

Анализ динамики семейных контактов (Таблица 3) показал, что частота непосредственных контактов с матерью и отцом подавляющего большинства студентов, которые живут отдельно, продолжает сокращаться. Несколько раз в год или реже виделись с матерью в 2007 г. 53 %, а в 2017 г. — 68 %; с отцом — 59 % и 72 %, соответственно. Относительно стабильными можно считать ежемесячные встречи с матерью лишь каждого пятого студента. «Компенсируют» редкость встреч опосредованные контакты, которые, по-прежнему преобладают над прямыми. Общение по телефону с родителями осталось очень интенсивным, о чем говорит частота общения в ежедневном режиме или несколько раз в неделю. Безусловно, главным собеседником респондентов осталась мать.

Динамика межпоколенческих взаимодействий. Межпоколенческие взаимодействия оценивались на основе ответов на вопросы респондентов о том, какую помощь и поддержку оказывали им матери и отцы и какую получали в ответ независимо от того, проживают ли они вместе или нет. Помощь и поддержка включала: деньги (в дар и в долг), вещи и продукты, информация и связи, услуги и труд, эмоциональная поддержка в обычной и в трудной ситуациях.

Предполагалось, что между родителями и взрослыми детьми сохранится доминирующий тип отношений — взаимозависимость и симметричность. Основной функциональной доминантой всех семейных

Динамика семейных контактов с родителями, которые проживают отдельно от респондента: 2007–2017 гг.

Частота встреч с...	МАТЕРЬЮ		ОТЦОМ	
	2007 (n=77)	2017 (n=81)	2007 (n=75)	2017 (n=78)
не реже раза в неделю	26	12	12	14
по крайней мере, раз в месяц	21	20	29	14
несколько раз в год или реже	53	68	59	72
Частота общения (по телефону, электронной почте, скайпу) с...	(N=75)	(N=83)	(N=74)	(N=78)
каждый день	— *	68	— *	20
несколько раз в неделю	98	24	66	42
несколько раз в месяц	1	—	19	26
несколько раз в год	1	8	15	12

* В опросе 2007 года графа «каждый день» отсутствовала.

взаимодействий останется их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастет. Значимость безвозмездных материальных обменов останется достаточно высокой, а возмездных — низкой. По-видимому, возможны изменения в информационной составляющей взаимодействий. Можно ожидать, что сохранится симметричность моделей поведения и неэквивалентность обменов, обусловленных стадией жизненного цикла разных поколений членов семьи.

Динамика оценок оказываемой и получаемой помощи матерью и отцом студентов представлена в Таблице 4. Анализ данных позволяет сделать вывод, что взаимная эмоциональная поддержка — основная доминанта отношений, в первую очередь с матерью. Поддержка в трудной ситуации неизменна, эквивалентна и симметрична. В обыденных же ситуациях оказываемая и получаемая родителями помощь выросла. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцом. В данном случае, несомненно, перевес на стороне взрослых детей: они больше затрачивают душевных сил, чтобы поддержать своих родителей. Значимость безвозмездных материальных трансфертов сохраняется. Материальная помощь со стороны матери не изменилась (85 % и 85 %), а со стороны отца — выросла (73 % и 83 %). Ответная помощь остается

Таблица 4

**Динамика оценок оказываемой и получаемой помощи
матерью и отцом студентов Санкт-Петербурга**

Виды помощи	МАТЬ				ОТЕЦ			
	оказывает % (n)		получает % (n)		оказывает % (n)		получает % (n)	
	2007	2017	2007	2017	2007	2017	2007	2017
деньги в дар	85 (181)	85 (113)	36 (76)	31 (41)	73 (157)	83 (109)	15 (33)	19 (25)
деньги в долг	20 (43)	17 (23)	15 (32)	16 (21)	12 (25)	12 (16)	8 (17)	8 (10)
продукты, вещи	79 (168)	81 (107)	32 (68)	33 (43)	54 (115)	56 (74)	19 (40)	18 (24)
информация, связи	70 (150)	79 (104)	70 (149)	58 (77)	64 (136)	67 (88)	70 (149)	47 (62)
услуги и труд	74 (158)	68 (90)	82 (175)	80 (106)	40 (85)	43 (57)	55 (115)	58 (77)
эмоциональная поддержка в обычной ситуации	81 (172)	86 (114)	83 (176)	88 (116)	45 (96)	48 (63)	54 (115)	59 (78)
эмоциональная поддержка в трудной ситуации	88 (188)	88 (117)	82 (175)	82 (109)	62 (133)	64 (85)	62 (133)	62 (83)

неэквивалентной, что вполне понятно, поскольку студенты еще учатся и немногие из них работают. Возмездные материальные обмены (деньги в долг) практикуются редко. В неизменном объеме остаются взаимные покупки вещей и продуктов. Родители это делают больше, причем чаще матери, чем отцы. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респондентов инструментальными: студенты больше оказывают помощь, чем получают. Взаимные услуги и помощь по дому матери сократились, а отцу — выросли. Динамика информационных взаимодействий такова: и мать, и отец стали больше делиться связями и информацией, а получать в ответ стали меньше. Так, если в 2007 г. объем оказываемой и получаемой матерью информации был одинаков (70 % и 70 %), то в 2017 г. это равновесие было нарушено: 79 % против 58 %. Отцы, напротив, в 2007 г. больше получали информации, чем делились ею (70 % против 64 %). В 2017 г. ситуация стала обратной: стали больше делиться, чем получать (67 % против 47 %).

Иерархия функциональной направленности взаимоотношений студентов со своими матерями не изменилась. Это, в первую очередь, эмоциональная поддержка и простое сопереживание с обеих сторон, затем материальная помощь со стороны матери и инструментальная — со стороны студента. Со стороны отцов по отношению к своим взрослым детям сохранился рациональный подход: денежная помощь, информация и связи. Отношения детей к своим отцам стали направляться в первую очередь на поддержание эмоционального состояния в обычной и тяжелой ситуации, на оказание услуг и бытовой помощи и лишь затем на обмен информацией и связями.

Выводы

Изучение динамики представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях подтвердило специфику трансформаций современной российской семьи, состоящую в **сохранении традиционности и преемственности**, и в то же время — **открытости новому**. С одной стороны, сохранение ядра значимых членов семьи — членов нуклеарной семьи — и прародителей свидетельствует о сохранении традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье и создания социальных связей. С другой стороны, существенные изменения периферии структуры значимых членов семьи — возрастание значимости партнеров (молдых людей, девушек, гражданских мужей и жен) — свидетельствует о трансформации этих механизмов. В обыденных представлениях людей о семье семейная идентификация выступает одним из главных признаков, определяющих семью.

Исследование показало, что реальный семейный контекст (диапазон семейного контекста, состав и тип семьи, линии родства и родственные связи) динамичен и разнообразен. На его основе выявляются различные типы конфигураций семей, как ограниченных нуклеарной семьей, так и не ограниченных ею, а включающих широкий ряд кровных и некровных родственников. Сохранился диапазон семейного контекста: самыми распространенными остались семьи, в состав которых входило от 4 до 6 человек. Наибольшие изменения прошли по *линиям родства и структуре родственных связей*. Доминирующим стал комбинированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров. Еще более заметные трансформации претерпела структура родственных связей. Если в 2007 г. преобладали

семьи, в составе которых были только кровные родственники, то к 2017 г. их доля значительно уменьшилась, а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла.

Межпоколенные отношения в семье — многогранный феномен. Они включают не только демографические конфигурации, но и структуры возможностей для взаимодействия, поведенческие и эмоционально-когнитивные показатели, обмены между членами семьи и принятые в обществе нормы родственных обязательств. Теоретический конструкт «межпоколенная солидарность» создает основу для измерения указанных граней этих взаимодействий. В данной работе сравнивались лишь две из них: «асоциальная солидарность», описывающая оценки типа и частоты контактов между членами семьи разных поколений, и «функциональная солидарность», содержащая оценки получаемой и оказываемой помощи и поддержки между взрослыми детьми и их родителями.

Предположение о сохранении тесного общения с матерью и отцом, которые живут отдельно от респондента, подтвердилось. Это общение носит скорее опосредованный характер, но отличается высокой интенсивностью. Преобладание опосредованных контактов, по-видимому, обуславливается затрудненностью частых встреч с родителями, живущими в других регионах. Высокая частота дистанционных контактов, практически в ежедневном режиме, по-нашему мнению, обусловлена эмоциональной привязанностью членов семьи — недавно отделившихся детей, еще не создавших свои собственные семьи, и их родителей, а также усилена теми возможностями, которые предоставляют современные телекоммуникационные средства.

Анализ динамики взаимодействий показал, что тенденция к симметрии и взаимозависимости в межпоколенных отношениях между родителями и взрослыми детьми сохранилась. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцом. Значимость и неэквивалентность безвозмездных материальных трансфертов сохраняется. Материальная помощь со стороны матери не изменилась, а со стороны отца — выросла. Возмездные материальные обмены (деньги в долг) практикуются редко. В неизменном объеме остаются взаимные покупки вещей и продуктов. Родители это делают чаще, причем в основном матери, нежели отцы. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респонден-

тов инструментальными: студенты больше оказывают помощь, чем получают. Взаимные услуги и помощь по дому матери сократились, а отцу — выросли. Заметные изменения произошли в информационных взаимодействиях: и мать, и отец стали больше делиться связями и информацией, а получать в ответ стали меньше.

Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных взаимодействий, по-видимому, обусловлено глобальными изменениями, которые затронули современную семью. В первую очередь, речь идет о том, что «семья сегодня в западных странах (и все более и более в других странах во всем мире) больше не является, прежде всего, экономической единицей. Скорее основу семьи создают отношения, базирующиеся в основном на коммуникации и, особенно — на эмоциональной коммуникации» (Giddens 2001–2002). Очевидно, что и взаимодействия между разными поколениями в семье в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой. Немаловажное значение имеет и локальный контекст. На фоне падения доверия к социальным и политическим институтам растет уровень межличностного доверия, доверия людей друг к другу. Для молодого поколения, в первую очередь, доверия к близким людям, к значимым членам семьи. «Оторванность» от дома, от родителей иногородних студентов обостряет чувство эмоциональной привязанности.

Иерархия функциональной направленности взаимоотношений студентов со своими матерями не изменилась. Это, в первую очередь, простое сопереживание с обеих сторон, затем материальная помощь стороны матери и инструментальная — со стороны студента. Со стороны отцов сохранился рациональный подход: денежная помощь, информация и связи. Отношения детей стали направляться в первую очередь, на поддержание эмоционального состояния в обычной и тяжелой ситуации, на оказание услуг и бытовой помощи и лишь затем на обмен информацией и связями. Иерархия взаимоотношений разных поколений членов семьи носит скорее ситуативный характер, что подтверждает вывод В. Б. Голофаства об установлении взаимозависимости нового типа в межпоколенных отношениях. «Тенденция к симметрии и взаимозависимости нового типа устанавливается и в межпоколенных отношениях, делая их иерархию ситуативной, относительной, вовлекая в любую социальную связь между близкими людьми их индивидуальные качества, личные особенности, склонности, желания, а не только нормативные ролевые характеристики участников. Ролевой контекст

социального взаимодействия не устраняется, просто как форма социальной связи он становится более гибким и чувствительным к личности. В семье и вне семьи между близкими людьми продолжают цениться привычные, традиционные, регулярные утилитарные формы поведения, как и ритуальные формы, имеющие символически и психологически многозначный сверх утилитарный смысл» (Голофаст 2006: 210).

Итак, члены нуклеарной семьи остаются самыми значимыми в представлениях студентов, при этом возрастает и значимость людей, не связанных узами крови и родства. Отношения между разными поколениями семьи остаются важными, сохраняется эмоциональная привязанность, симметричность, взаимозависимость.

Источники

- Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. // Социологические исследования 2004. № 9, С. 20–29;
- Бурмыкина О. Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века // Журнал социологии и социальной антропологии 2008. Том XI № 3 (44), С. 48–64;
- Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. //СПБ, Питер, 2004;
- Гладникова Е. В Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // журнал «SPERO» осень — зима 2007, № 7, С. 132;
- Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. //СПБ, Алетейя, 2006;
- Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования 2017. № 11, С. 99–110;
- Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России 2007. № 4, С. 73–112;
- «Комсомольская правда» 6 декабря 2017;
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2007, С. 313–344;
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 2. Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2009, С. 247–264;
- Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования 2014 № 10, С. 136–142;
- Миронова А. А. Влияние демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов // Демографическое обозрение 2016, № 3, С. 80–99;
- Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования 2015. № 10, С. 177–185;
- Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения, июль-август 2000, № 4 (48), С. 23–31;
- Прокофьева Л., Миронова А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России. // Демографическое обозрение, 2015, № 3, С. 69–86;
- Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2007, с. 517–544;
- Bengtson, V. L., & Mangen, D. J. (1988). Family intergenerational solidarity revisited. In D. J. Mangen, V. L. Bengtson, & P. H. Landry (Eds.), *Measurement of intergenerational relations* pp. 222–238. Newbury Park, CA: Sage;
- Bengtson, V. L., & Roberts, R. E. L. (1991). Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction. // *Journal of Marriage and the Family*, 53, pp 856–870; Bengtson V. L. (1993) Is the «Contract Across Generations» Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Group. In: Bengtson V. L. and W. A. Achenbaum (eds.), *The Changing Contract Across Generation*. N. Y. 1993;
- Bengtson Vern L. (2001) Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds // *Journal of Marriage and Family* vol. 63 pp. 1–16;
- Dykstra, P. A., & Fokkema, T. (2012). Norms of filial obligation in the Netherlands // *Population-E*, 67(1), pp.97–122;
- Dykstra Pearl A., Thijs van den Broek, Cornelia Muresan, Mihaela Haragus, Paul-Teodor Haragus, Anita Abramowska-Kmon, Irena E. Kotowska (2013) *State-of-the-art report Intergenerational linkages in families / Families and Society/ Working Paper Series 1*: http://www.familiesandsocieties.eu/?page_id=131;
- Fokkema Tineke, Bekke Susan ter, Dykstra Pearl A. (2008) Solidarity between parents and their adult children in Europe // *Netherlands interdisciplinary Demographic institute Report no. 76*, Knaw Press, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Amsterdam;
- Gabb J. (2008) *Researching Intimacy in Families*. London: Palgrave;
- Giddens, Anthony (1992) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press;
- Giddens A. Global Futures at a Time of Transition: 2001–02 Director’s Lectures: m&rec=1020781735–15394

- Girardin Myriam and Widmer Eric D. (2015) Lay definitions of family and social capital in later life // *Personal Relationships*, 22, 712–737 published by Wiley Periodicals, Inc. on behalf of International Association for Relationship Research. DOI: 10.1111/per.12107
- Jamieson L. (1998) *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity; Jamieson L. (2011) *Intimacy as a Concept: Explaining Social Change in the Context of Globalisation or Another Form of Ethnocentricism?* // *Sociological Research Online*, 16 (4) 15 <<http://www.socresonline.org.uk/16/4/15.html>> 10.5153/sro.2497;
- Jurczyk K. (2013) *Doing Family — Structuring Everyday Life as a Modern Challenge* // *The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science*. Bamberg;
- Liu Jieyu (2017) *Intimacy and Intergenerational Relations in Rural China* // *Sociology*, Vol. 51(5) 1034–1049 sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 0.1177/0038038516639505 journals.sagepub.com/home/soc;
- Lowenstein A., & Daatland, S. V. (2006). Filial norms and family support in a comparative crossnational context: evidence from the OASIS study. // *Ageing & Society*, 26, 203–223;
- Morgan D. H. J. (1996) *Family connections: an introduction to family studies*. Cambridge, UK: Polity Press; Cambridge, MA: Blackwell Publishers;
- Morgan D. H. J. (2011) *Rethinking Family Practices*, Palgrave Macmillan: Basingstoke;
- Roberts, R. E. L., Richards, L. N., & Bengtson, V. L. (1991). Intergenerational solidarity in families: Untangling the ties that bind. In S. K. Pfeifer & M. B. Sussman (Eds.), *Marriage and Family Review*, Vol.16 pp. 11–46 Binghamton, NY: Haworth Press;
- Silverstein, M., & Bengtson, V. L. (1997). Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families. // *American Journal of Sociology*, 103, 429–460;
- Silverstein, M., Gans, D., & Yang, F. M. (2006). Filial support to aging parents: The role of norms and needs. // *Journal of Family Issues*, 11, pp. 1068–1084;
- Widmer E. D. (1999) Family context as cognitive networks: a structural approach of family relationships. // *Personal Relationships*, 6, pp. 487–503;
- Widmer E. D. and La Farga L.-A. (2000) Family networks: a sociometric methods to study relationships in families. // *Field Methods*, 12, pp.108–128;
- Widmer Eric D. (2006) Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations // *Journal of Social and Personal Relationships* Copyright © SAGE Publications (www.sagepublications.com), Vol. 23(6), pp. 979–998;
- Widmer, E. D. (2016) *Family Configurations. A Structural Approach to Family Diversity*. Routledge, London;
- Widmer Eric D., Viry Gil (2017) Family Inclusiveness and Spatial Dispersion: The Spatial Consequences of Having Large and Diversified Family Configurations // *Open Journal of Social Sciences*, 5, 350–367 <http://www.scirp.org/journal/jss> ISSN Online: 2327–5960 ISSN Print: 2327–5952 DOI: 10.4236/jss.2017.55024 May 24, 2017.

К. С. Дивисенко

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются возможности биографического исследования для изучения оценок людьми качества их жизни. Субъективное благополучие, отражающее особенности восприятия индивидами их собственной жизни, является значимым социальным индикатором и одной из востребованных областей междисциплинарных исследований. Представлен краткий обзор современных социологических исследований субъективного благополучия, опирающихся на качественную методологию. Рассмотрен эвристический потенциал автобиографических материалов для изучения субъективного благополучия. Показано, что феномен субъективного благополучия как компонент качества жизни может быть исследован на основе представлений о социальных благах, репрезентированных в автобиографическом нарративе. Вместе с тем биографическое исследование также позволяет проанализировать выявляемую в ряде эмпирических исследований связь временной перспективы индивидов и оценок ими качества собственной жизни. Качественное биографическое исследование субъективного благополучия ориентировано на анализ экзистенциального опыта и социокультурных детерминант, определяющих самооценку собственной жизни. Предлагаемый подход позволяет дополнить и расширить существующие методические решения для изучения субъективного благополучия.

Ключевые слова: качество жизни, автобиография, субъективное благополучие, социальные блага, нарратив, социальные представления, биографическое исследование

Проблема изучения качества жизни населения является не только актуальной областью социальных исследований, имеющей большое значение для социальной политики государства (Тихонова 2015: 19–21), но и областью, всё еще требующей уточнения существующего и разработки нового инструментария для изучения этого комплексного и многомерного явления.

Изучение субъективного благополучия как восприятия людьми качества собственной жизни стало неотъемлемой частью исследований качества жизни (ОЕСД2013) в рамках различных дисциплин: экономики, психологии, социологии, медицины, образования. Вместе с объективными показателями уровня жизни, социально-демографического, экономического статуса анализируются степень удовлетворенности жизнью в целом, отдельными ее сторонами, наличие положительных